

Королевский К. Книга бытия моего*

Kniga bytija moego — латинская транскрипция хорошо знакомого всем интересующимся историей Церкви и христианского Востока заглавия дневниковых записей путешественника, паломника и неутомимого исследователя Востока Порфирия (Успенского), епископа Чигиринского. Жан Франсуа Жозеф Шарон, более известный под именем о. Кирилла Королевского (1878–1959 гг.), назвал свой автобиографический опус, повторив заглавие труда знаменитого предшественника. Королевский родился во Франции. Будучи еще совсем молодым, он увлекся историей восточного христианства. «Обращение» произошло с ним в Париже, в мельхитской церкви св. Юлиана, где служба совершалась по восточному обряду; юноша не только стал посещать этот приход, но вскоре сам отправился в Бейрут, начав там церковное служение и увлеченное изучение христианского Востока. В 1902 г. в мельхитском соборе в Дамаске он был рукоположен во иерея с именем Кирилл в память равноапостольного просветителя славян. В Иерусалиме молодой католический священник побывал в русском Троицком соборе, где ему так же неожиданно открылся «славянский мир» (Т. 1. Р. 384). Духовная эволюция привела его не только к самоощущению себя «восточным до мозга костей», но и «в сердце русским» (Т. 1. Р. XXIX–XXX; Т. 4. Дос. 606, 454). В дальнейшем из желания по-настоящему «стать» русским Кирилл Королевский создал несколько легенд о русских корнях своей семьи, значительно разнившихся и, вероятнее всего, не отвечавших действительности (Т. 1. Р. XL–XLI, 5–8). После обращения помыслы о. Кирилла сосредоточились на идее присоединения православного населения Российской империи к католической

* *Korolevskij Cyrille. Kniga bytija moego (Le livre de ma vie). Mémoires autobiographiques / Texte établi, édité et annoté par G. M. Croce. Cité du Vatican: Archives Secrètes Vaticanes, 2007. (Collectanea Archivi Vaticani, 45). Т. 1.— 1878–1908; Т. 2.— 1908–1919; Т. 3. Documents (1900–1926); Т. 4. Documents (1927–1964); Т. 5. Bibliographie, tables, index. Pp.: 546, 772, 1273–2305, 640, ill., cartes, facsim., dépl.*

Церкви при сохранении и очищении традиционного византийского обряда. Обсуждению возможности подобной унии Запада и Востока, католичества и православия, «латинства» римской Церкви и разнообразных по обрядам восточных Церквей (православных и католических) посвящены многочисленные его труды. Эта же тема была основной в его автобиографии и обширной переписке.

Королевскому не удалось закончить «Книгу бытия»: начав мемуары в 1920-х гг., он успел довести повествование до событий Первой мировой войны. Тем не менее подробнейший дневник, который Королевский мечтал составить наподобие сочинения владыки Порфирия (Успенского), все-таки был написан. Это стало возможным благодаря дополнению воспоминаний перепиской. Издание стало не только жизнеописанием (или материалами к жизнеописанию) автора, в течение многих лет выполнявшего обязанности «ассистента» Ватиканской библиотеки и консультанта Конгрегации по делам Восточной Церкви, но и историей «бытия» христианского Востока.

Автобиография (Т. 1–2) и письма с 1900 г. (Т. 3–4) снабжены комментариями, указателями и новейшей библиографией (Т. 5), а также картами, фотографиями, факсимиле и вводными статьями (предваряющими автобиографию: Т. 1. Р. XVII–LX; и переписку: Т. 3. Р. IX–XCII). Пять объемных томов публикации подготовлены сотрудником Секретного архива Ватикана монсье́ром Дж. М. Кроче. Исследователь уже не раз обращался к изданию документов и изучению вопросов, связанных с Церквями восточного обряда, отношениями Рима и православной Церкви и изучением унии¹. Он посвятил 2-томное исследование деятельности монашеской общины Гроттаферраты, где поддерживались греческие традиции в богослужении и где с конца XIX в. были основаны 2 периодических издания — «Bessarione» и «Roma e l'Oriente», в которых обсуждались пути осуществления церковного объединения². Дж. М. Кроче давно занимается и историей отношений Рима с Русской Православной Церковью³: помимо многочисленных статей ему принадлежит публикация уникального документа — письма Патриарха Московского Тихона Римскому папе Бенедикту XV от 1921 г.⁴ Некоторые из его работ переведены на русский язык⁵.

К. Королевский был знаком или состоял в переписке с крупными церковными деятелями своего времени: греко-католическим Галицким митрополитом Андреем Шептицким, кардиналом (и ученым-ориенталистом) Э. Тиссераном, основателем экуменизма в бенедиктинском монастыре Амэсюр-Мюз (позже переехавшем в Шеветонь) Ламбертом Бодуэном, историком Восточной Церкви архиепископом Афинским Хризостомом Пападопулосом и многими другими. Все это позволяет говорить о публикации как о важном историческом свидетельстве целой эпохи в отношениях Западной Церкви с христианским Востоком в прошедшем столетии.

Пожалуй, самое значительное влияние на жизнь К. Королевского оказал митрополит Андрей Шептицкий. Книга содержит интереснейшие сведения об этом человеке, деятельность которого продолжает вызывать противоречивые оценки: в издание вошла часть ранее не опубликованной переписки

митрополита Андрея с Королевским. Их знакомство состоялось во Львове в 1906 г. и положило начало долгому сотрудничеству (Т. 1. Спар. 10). Молодой священник даже перешел в юрисдикцию митрополита (был приписан к единственной сохранившейся на территории Российского государства греко-католической Каменецкой епархии) и вознамерился в соответствии с тайным проектом Андрея Шептицкого отправиться в Россию для проповеднической деятельности (Т. 1. Р. 403–409; Т. 2. Спар. 16–17). Тогда же Кирилл Шарон сменил фамилию, став Каралевским (позже Королевским).

К. Королевский, к тому времени неплохо узнавший христианский Восток (Т. 1. Спар. 5–10), считал неправомерным привнесение в восточную обрядность «латинства» и «смешанного» униатского обряда, предполагая необходимым распространение католичества при сохранении «чистоты» восточной традиции церковной службы (Т. 1. Спар. 12). Интерес к византийскому обряду и убежденность в неправильности пути преобразований ритуала и латинских нововведений, по которому пошло униатское духовенство (Т. 3. Р. XXX), подтолкнули Кирилла Королевского к серьезному изучению литургии и истории Восточной Церкви, вопросов, связанных с церковной унией и, наконец, к подготовке самого объемного из написанных им трудов — «Истории мельхитских патриархатов» (Т. 2. Р. 389–394).

«Россия» К. Королевского — страна, существовавшая в его воображении и церковных проектах, которые всегда имели определенную (хотя и безусловно утопическую) практическую направленность. Читатель будет удивлен весьма немногочисленными упоминаниями в его трудах о русском присутствии в Палестине, столь активном как в политическом, так и в научном отношении вплоть до революции 1917 г., или о Русском археологическом институте в Константинополе. Казалось бы, именно в этих представителях Русской Церкви и науки императорской России молодой исследователь христианского Востока мог бы встретить тех, кто разделял бы если не его взгляды на православие, то, во всяком случае, его научные интересы. Зато в Риме он оказался тесно связан с русскими эмигрантами, перешедшими в католичество: профессором В. Н. Забугиным, бывшим православным священником Сергием Веригиным, будущим греко-католическим экзархом Леонидом Федоровым, с которыми его объединяло участие в проектах организации несостоявшейся католической миссии в Россию и устройство первой русской католической церкви в Риме (Т. 2. Р. 439–478; Спар. 18). Проекты миссии (Т. 2. Спар. 17) и планы ведения проповеднической деятельности среди православных оказались несбыточными, хотя Кирилл Королевский на протяжении многих лет готовился к поездке в Россию, изучал русский язык, много путешествовал по Восточной и Западной Европе. Неудивительно, что приводимые в «Knige bytija» и в переписке сведения о духовенстве восточных католических и православных Церквей, а также о старообрядцах Белокриницкой иерархии, упоминания о многочисленных знакомствах с христианами восточного обряда как в Риме (прежде всего в Греческой коллегии св. Афанасия, где К. Королевский некоторое время преподавал, и в василианском монастыре Гроттаферрата), так и во время

путешествий на Ближний Восток и на Балканы, отличаются невероятным разнообразием.

Из-за невозможности отправиться с проповедью католицизма в Россию К. Королевский был вынужден до конца жизни оставаться в Риме, где он с увлечением посвятил себя изучению богатых архивных собраний (прежде всего документов Конгрегации пропаганды веры), участвуя в подготовке задуманной митрополитом Андреем Шептицким многотомной публикации источников об униатстве на польско-литовских землях. В собранных и опубликованных Дж. М. Кроче материалах (см.: Т. 2. Chap. 17: *La Mission historique ruthène*, а также многочисленные письма) содержатся сведения о процессе подготовки одного из важнейших изданий текстов по церковной истории не только Украины и Польши, но и всей Восточной Европы — «*Monumenta Ucrainae historica*» (Vol. 1–14), осуществленное монахами-василианами⁶ уже после смерти К. Королевского по собранным им для Андрея Шептицкого материалам. Начатые тогда исследования заложили основу серии «*Documenta ex archivis Romanis*».

Чрезвычайно широко представлена в новой публикации и история научной, преподавательской и публицистической деятельности К. Королевского (Т. 2. Chap. 16). Оставаясь в Риме, он задумал основать новое периодическое издание, в котором обсуждались бы вопросы, относящиеся к восточным Церквам и обрядам (посвященное в первую очередь изучению «тех Церквей, которые получили веру, литургический обряд и каноническую дисциплину из Византии»). Первоначальный проект Андрея Шептицкого, задумавшего «Журнал византийских Церквей», не был осуществлен, и в 1923 г. К. Королевский основал бюллетень «Студион», который должен был освещать различные аспекты жизни восточных христиан (Т. 3. Doc. 88, 99, 111, 133, 202, 236, 280 и др.). В этот период о. Кирилл помимо собственно ученых занятий посвящал значительную часть своего времени написанию отзывов на книги, информированию читателей «Студиона» о важнейших событиях церковной жизни. Пытаясь собрать деньги, чтобы приобрести в Риме участок земли, построить на нем церковь в подлинно византийском стиле и создать «восточный» центр, он с удвоенной силой брался за оплачиваемую гонорарами работу в «Словаре церковной истории и географии» (Т. 3. P. XL–XLI), обогатив это издание статьями, основанными порой на предварительных архивных изысканиях о восточных Церквах, монастырях Афона, церковном устройстве и литургии итало-албанцев, известных церковных деятелях, василианском ордена (Т. 5. P. 70–74). Работы Королевского выходили в научных и церковных периодических изданиях, а очерк об униатстве, опубликованный в 1927 г. в серии «Иреникон» (*Irenikon*, бенедиктинский монастырь Амэ-сюр-Мюз), до сих пор оценивается как программный, ставящий задачи по возрождению восточной литургической традиции внутри католической Церкви (см. письма: Т. 4. Doc. 407А и др., P. 1284, Not. 2696; Doc. 417)⁷.

Среди важных событий, отраженных в опубликованных документах и автобиографии, следует назвать основание в Риме коллегии Руссикум для подготовки проповедников католицизма, готовых отправиться в Россию,

деятельность папского Восточного института (Т. 2. Р. 479 и сл.) и папской комиссии Pro Russia. В издание вошла переписка Королевского с Мишелем д'Эрбиньи, первым президентом института, несколько раз побывавшим в Советской России для ведения переговоров с властями и рукоположения католических иерархов, в 1930-х гг. являвшимся председателем комиссии Pro Russia (к работе которой Королевский привлекался в качестве консультанта). В своих мемуарах К. Королевский подробно описал празднование в 1907 г. 1500-летия со времени упокоения свт. Иоанна Златоуста (Т. 2. Спар. 13). Оно еще больше усилило внимание и интерес к восточной традиции в католических кругах: византийская литургия тогда служилась в присутствии папы⁸. К. Королевский сообщает также о своем возмущении в связи с публикацией в журнале «Roma e l'Oriente» нашумевшей статьи-манифеста «Мысли по вопросу об унии Церквей» востоковеда и теолога принца-аббата Макса фон Саксена (Т. 2. Спар. 15), приведшей Королевского к разрыву с аббатством Гроттаферрата, и о том, как готовились богословские труды Аурелио Пальмиери, который с готовностью взялся за задуманное Андреем Шептицким «открытие для Запада русского богословия» (Т. 2. Спар. 19, особ. Р. 506–509).

Порой «Kniga bytija» превращается почти в приключенческий роман: в ней описываются подозрения в шпионаже, волновавшие общество (церковное и научное), скандалы, разнообразнейшие и порой весьма загадочные интриги, печальные события военного времени, когда и сам Кирилл Королевский — француз, состоящий в юрисдикции униатского митрополита из Австро-Венгрии, но призванный во французскую армию в чине капрала, оказался лицом подозрительным и был арестован. Впрочем, и с Андреем Шептицким, при всем пиетете по отношению к нему, К. Королевский расходился в политических взглядах: французский священник возмущается униатами и их «сепаратизмом» и в какой-то момент начинает надеяться на единение Галиции с «новой», по мнению Королевского, если еще не готовой к принятию католицизма, то уже и не враждебной ему Россией (Т. 2. Р. 627, см. Спар. 20, посвященную времени Первой мировой войны). Документы, опубликованные Дж. М. Кроче, станут, по всей видимости, одним из основных источников для серьезного изучения политической и церковной деятельности владыки греко-католической Церкви, его взглядов и методов их проведения в жизнь.

Благодаря К. Королевскому и предпринятому им вместе с кардиналом Э. Тиссераном путешествию по Юго-Восточной Европе, библиотеки Ватикана и папского Восточного института пополнились ценнейшими изданиями. Для Ватиканской библиотеки была приобретена важная коллекция документов собрания великого логофета Константинопольского патриархата Ставракиса Аристархиса — списки с документов по истории Константинопольского патриархата и небольшой фонд подлинников (см.: Т. 2. Р. 417–418 и письма).

Издание мемуаров и писем ученого-литургиста направлено на изучение и сохранение документов, свидетельств современников о целой эпохе в истории католической Церкви, наступившей после папской энциклики

«Orientalium dignitas» 1894 г., которой восточный обряд был официально признан равночестным латинскому (о роли этого документа Королевский пишет в главе «Ретроспективный взгляд на Восточные Церкви в Азии...» — Т. 1. Chap. 12). Опубликованные свидетельства позволяют представить, как в то сложное для Восточных Церквей время (и особенно тяжелое для Русской Православной Церкви, подвергавшейся вместе с другими конфессиями жестоким преследованиям со стороны советской власти) западный мир стремился не только к обращению православных в католицизм, но и искал иные пути сближения с ними.

Публикация поражает тщательностью обработки архивных материалов и широтой источниковой базы. Автобиография издана по рукописи, хранящейся в Ватиканской библиотеке, остальные материалы происходят из архивов папского Восточного института, Конгрегации по делам Восточных Церквей⁹ (так с 1967 г. называется бывшая Congregatio pro Ecclesia Orientali, где хранятся многочисленные доклады и записки, подготовленные К. Королевским), Греческой коллегии св. Афанасия, Руссикума, аббатств Гроттаферрата и Шевтонь, Ассоциации друзей кардинала Тиссерана (Монферрер) и многих других рукописных собраний разных стран (в изданные тома вошла не вся корреспонденция Кирилла Королевского, но в первую очередь та ее часть, которая важна для основной темы — истории отношения Запада к Восточным Церквам). К сожалению, Дж. М. Кроче были недоступны письма Королевского, оказавшиеся среди других документов в фонде Postulazione к беатификации Андрея Шептицкого в Украинской папской коллегии свт. Иосафата на Яникуле.

К. Королевский подчинил свою жизнь «работе ради идеи» (Т. 1. P. XXVII; Т. 4. Doc. 594), ради «дела Восточной Церкви», что в его понимании тогда было в первую очередь борьбой за признание восточного (византийского) обряда. Взгляды Королевского подчас не находили понимания у окружающих (в том числе и в Римской курии), но он не заботился ни о церковной, ни о научной карьере. Отмечу, что даже труд о мельхитах (оставшийся, как и воспоминания, неоконченным) Королевский вынужден был публиковать за свой счет (Т. 2. P. 462, 470). В конце жизни он оказался одинок, потеряв надежду увидеть реализованными идеи и планы, свои и митрополита Андрея Шептицкого, жизнеописание которого стало одной из последних написанных К. Королевским работ. Его автобиография и архив — это не только свидетельства «истории частной жизни» священника, консультанта курии, или хроника его научных занятий. В них, а также в обширной переписке отражены контакты Римской Церкви с христианским Востоком и с православием в конце XIX — середине XX в. и изменение всей «католической культуры»¹⁰: от опирающегося на политическую поддержку прозелитизма к признанию и изучению восточного обряда, к современному экуменическому движению и, наконец, к диалогу двух Церквей.

*В. Г. Ченцова, кандидат исторических наук
(Институт всеобщей истории РАН)*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Croce G. M.* Alle origini della Congregazione Orientale e del Pontificio Istituto Orientale. Il contributo di mons. Louis Petit // *Orientalia Christiana Periodica*. 1987. Vol. 53. P. 257–333 (= *The Pontifical Oriental Institute: the First Seventy-Five Years, 1917–1992*. Rome, 1993. P. 147–207); *idem.* La Congregazione basiliana d'Italia nell'eta moderna e contemporanea // *Il monachesimo italiano dal Vaticano I al Vaticano II*. Atti del III Convegno di studi storici sull'Italia benedettina. Cava de' Tirreni, 3–5 settembre 1992. Césène, 1995. P. 195–269; *idem.* Les Églises Orientales // *Histoire du christianisme*. T. IX: L'âge de raison. Paris, 1997. P. 539–612; *idem.* Le Saint-Siège et la Conférence de la Paix (1919). Diplomatie d'Église et diplomaties d'état // *Mélanges de l'École Française de Rome. Italie et Méditerranée*. 1997. T. 109(2). P. 793–823; *idem.* Giuseppe Cozza-Luzi, monaco e abate di Santa Maria di Grottaferrata. Con appendice di documenti inediti // *L'abate Giuseppe Cozza-Luzi, archeologo, liturgista, filologo, tra Bolsena, Grottaferrata e Roma*. Atti della giornata di studio, Bolsena, 6 maggio 1995. Grottaferrata; Bolsena, 1998. P. 20–117; *idem.* Deux Romains de France au service de l'Orient chrétien: Cyrille Korolevskij et Eugène Tisserant // *Le Cardinal Eugène Tisserant (1884–1972)*. Une grande figure de l'Église, une grande figure française. Actes du colloque international. Toulouse, 2003. P. 25–31; *idem.* André Szeptyckyj et Aurelio Palmieri d'après leur correspondance inédite (1907–1914) // *Eukosmia*. Studi miscellanei per il 75° di Padre V. Poggi, S. J. Roma, 2003. P. 159–168; *idem.* De la Propaganda Fide a la Congrégation pour les Églises Orientales. Une période d'incompréhension romaine de l'Orient orthodoxe // *Catholiques et orthodoxes dans le sillage de Balamand*. Paris, 2004. P. 181–199; *idem.* Monde hellène et chrétienté romaine. L'union introuvable (1878–1903) // *Ricerche di storia sociale e religiosa*. 2004. Vol. 66. P. 29–61 (= *Le Pontificat de Léon XIII. Renaissances du Saint-Siège?* Rome, 2006 (Collection de l'École française de Rome, t. 368). P. 151–183).
- ² *Croce G. M.* La Badia greca di Grottaferrata e la rivista «Roma e l'Oriente». Cattolicesimo e ortodossia fra unionismo ed ecumenismo (1799–1923). Citta di Vaticano, 1990. T. 1–2. (LVII+364, 890 p.).
- ³ *Croce G. M.* Le Saint-Siège, l'Église Orthodoxe et la Russie Soviétique. Entre mission et diplomatie (1917–1922) // *Mélanges de l'École Française de Rome. Italie et Méditerranée*, 1993. T. 105. P. 267–295; *idem.* L'Orthodoxie en tant que frontière orientale de l'Europe // *Europe, Its Borders and the Others*. Napoli, 2000. P. 163–175; *idem.* Fonti archivistiche vaticane sulle relazioni tra Russia e Santa Sede (1878–1922) // *Santa Sede e Russia da Leone XIII a Pio XI*. Atti del Simposio organizzato dal Pontificio Comitato di Scienze Storiche e dall'Istituto di Storia Universale dell'Accademia delle Scienze di Mosca. Mosca, 23–25 giugno 1998. Citta del Vaticano, 2002. P. 21–32; *idem.* Santa Sede e Russia sovietica alla Conferenza di Genova // *Cristianesimo nella storia*. 2002. Vol. 23. P. 345–365.
- ⁴ Archivio Segreto Vaticano. Profilo storico e silloge documentaria. Firenze, 2000. P. 268–269.
- ⁵ *Кроче Дж. М.* Ватиканские архивные источники об отношениях между Россией и Святым Престолом (1878–1922) // *Россия и Ватикан в конце XII – первой трети XX века*. М., 2002. С. 25–38; *его же.* Святой Престол и Советская Россия на Генуэзской конференции // *Иоанн XXIII и современный мир: Христианское свидетельство, сосуществование и сотрудничество* / Отв. ред. А. А. Красиков, А. Меллони. М., 2002. С. 41–67.
- ⁶ См. предисловие преемника митрополита Андрея Шептицкого на Галицкой кафедре Иосифа Слипого к изданию «*Monumenta Ucrainae historica*». Roma, 1964.

Vol. 1. P. V–VIII. См. также: *Welykuj Ath. G. Preface // Epistolae Josephi Velamin Rut-skyj, Metropolitae Kioviensis catholici (1613–1637) / Colleg. R. P. Th. T. Haluščynskyj, P. Ath. G. Welykyj // Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni. Series II. Sectio III. Romae, 1956. Vol. 1. P. VII–VIII.*

- ⁷ *Taft R. F. Eastern Catholic Theology. Slow Rebirth after a Long and Difficult Gestation // Eastern Churches Journal. 2001. Vol. 8(2). P. 58–59.* Отмечу, впрочем, что в некоторых современных публикациях, посвященных восприятию и изучению восточного обряда и православия в Италии, имя Шарона—Королевского оказалось несправедливо забытым. См.: *Cazzago A. Il cristianesimo orientale e noi: La cultura ortodossa in Italia dopo il 1945. Milano, 2008.*
- ⁸ Кирилл Королевский опубликовал свой отзыв об этом событии отдельной книгой: *Charon C. Le quinzième centenaire de s. Jean Chrysostome (407–1907) et ses conséquences pour l'Action catholique dans l'Orient Gréco-slave. Rome, 1909.* См. также автобиографию: Т. 2. P. 25–59.
- ⁹ *Nunc Congregatio pro Ecclesiis Orientalibus.*
- ¹⁰ Ср. оценку, данную работам Дж. М. Кроче, в рецензии: *Faggioli M. «Al servizio della causa orientale»: L'edizione della «Storia della mia vita» di Cyrille Korolevskij // Cristianesimo nella storia. 2008. Vol. 29/1. P. 205.*